

*Т. Т. Давыдова**

КРЫМСКИЙ МИР ИВАНА ШМЕЛЕВА В РЕЦЕПЦИИ КИТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА И ПЕРЕВОДЧИКА

Представлена рецензия на монографию китайской славистки Сюэ Чэнь «Крымский мир в «Солнце мертвых» И. С. Шмелева» (М.: МАКС Пресс, 2023. 192 с.). Произведение Шмелева проанализировано в контексте истории России 1920-х гг., биографии писателя, двух направлений в русской литературе XX века, метрополии и эмиграции. Основной массив источников — тексты Шмелева, Малышкина, Бабеля, М. Булгакова, Волошина, Бунина, Цветаевой, Бальмонта, Клюева, Есенина и других современников автора «Солнца мертвых». Параллели между изучаемой повестью-эпопеей, а также прозой и публицистикой норвежского, китайского, башкирского и татарского авторов 1920-х гг. придают книге Сюэ Чэнь оригинальность и свидетельствуют о ее широкой эрудиции. Научно продуктивно развитие слависткой из Уханя понятия «Крымского текста» А. Люсого в процессе обстоятельного анализа содержания (тематика, в частности, тема голода, экзистенциальная проблема жизни и смерти, круг идей, характеры персонажей) и формы (образы природы, цветопись, родовая и жанровая специфика, символика) «Солнца мертвых». Убедительно наблюдение над генетической связью мотивов и образов героев Шмелева с Библией, мифологией, произведениями ряда русских писателей. Выявление генетических и сравнительно-типологических сходжений шмелевского текста с трудами зарубежных и русских философов свидетельствует, что Сюэ Чэнь принадлежит к научной школе проф. Н. М. Солнцевой.

Ключевые слова: Сюэ Чэнь, китайская славистика, И. С. Шмелев, Крым, бытие, Гражданская война, голод.

Tatiana T. Davydova

THE CRIMEAN WORLD OF IVAN SHMELEV

IN THE RECEPTION OF A CHINESE LITERARY CRITIC AND TRANSLATOR

A review of the monograph by the Chinese Slavist Xue Chen «The Crimean World in the 'Sun of the Dead' by I. S. Shmelev» (Moscow: MAKS Press, 2023. 192 p.). Shmelev's work

* Давыдова Татьяна Тимофеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и истории литературы ФГАОУ ВО «Московский политехнический университет» (Москва); t. t.davydova@gmail.com

is analyzed in the context of the history of Russia in the 1920s, the biography of the writer, two trends in Russian literature of the 20th century, the metropolis and emigration. The main array of sources is the texts of Shmelev, Malyshkin, Babel, M. Bulgakov, Voloshin, Bunin, Tsvetaeva, Bal'mont, Klyuev, Yesenin and other contemporaries of the author of the «Sun of the Dead». Parallels between the studied epic story, as well as the prose and journalism of the Norwegian, Chinese, Bashkir and Tatar authors of the 1920s lend originality to Xue Chen's book and testify to her broad erudition. Scientifically productive is the development of the concept of the «Crimean text» by A. Lyusy in the process of a detailed analysis of the content (the subject, in particular, the theme of hunger, the existential problem of life and death, the circle of ideas, the characters' characters) and form (images of nature, color painting, generic and genre specificity, symbolism) «Suns of the Dead». Convincing is the observation of the genetic connection between the motives and images of Shmelev's heroes with the Bible, mythology, and the works of a number of Russian writers. The identification of genetic and comparative typological similarities of Shmelev's text with the works of foreign and Russian philosophers indicates that Xue Chen belongs to the scientific school of prof. N. M. Solntseva.

Keywords: Xue Chen, Chinese Slavic studies, I. S. Shmelev, Crimea, existence, Civil war, famine.

Сюе Чэнь, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы педагогического университета Центрального Китая в Ухане, не новичок в шмелеведении. Она, автор десяти публикаций в филологических журналах России и Китая, в 2021 году успешно защитила кандидатскую диссертацию в МГУ им. М. В. Ломоносова (научный руководитель Н. М. Солнцева). Для диссертации и написанной на ее основе монографии исследовательница выбрала одно из центральных произведений Шмелева, связав его с феноменом «Крымского текста», или «Крымского мира».

Литературное наследие И. С. Шмелева (1873–1950) занимает достойное место в отечественной литературе первой половины XX столетия и обогащает в послереволюционный период две «ветви» русского искусства слова, метрополии и зарубежного рассеяния.

Шмелев достиг известности и снискал читательскую любовь уже в начале своего писательского пути, в 1900–1910-х гг., в основном благодаря повестям «Гражданин Уклейкин» и «Человек из ресторана». Доказательством его популярности в то время служит выпуск в Книгоиздательстве писателей в Москве в 1912–1914 гг. первого собрания сочинений Шмелева в 8 томах, после чего произведения этого писателя стали постоянно издаваться и переиздаваться. Не менее продуктивным для его дальнейшей эволюции оказался и следующий, крымский, период творчества: Шмелев нашел в конце 1910-х — первой половине 1920-х гг. новые темы — русской ментальности, являющейся через православную веру и творчество (повесть «Неупиваемая Чаша»), войны, голода. Личная трагедия, пережитая писателем в годы Гражданской войны в Крыму, аккумулировала накопление новых впечатлений послереволюционного бытия, воспринятых под трагическим углом зрения. Художественным итогом данного периода стал замысел «Солнца мертвых», реализованный в 1923 г. в новом, эмигрантском, периоде творчества. Грандиозность исторических, политических и философских обобщений, свойственных этой повести, можно сравнить с романом-эпопеей М. А. Шолохова «Тихий Дон». Эмигрантская

критика с энтузиазмом откликнулась на произведение Шмелева, а, начиная со второй половины 1980-х гг., все его творения стали изучать и в России. Особый вклад в анализ биографии этого писателя и поэтики его произведений внесли русские ученые И. А. Ильин, Ю. А. Кутырина, Е. А. Осьминина, А. П. Черников и другие. Казалось бы, творчество И. С. Шмелева обстоятельно изучено в русском литературоведении. Но автор рецензируемой монографии обнаружила в «Солнце мертвых» недостаточно изученные тему голода и проблемы межнациональных отношений и крымско-татарской этнокультуры, поведения людей в экстремальных ситуациях, трагедии крымского мира в годы Гражданской войны.

Немаловажно и то, что Сюе Чэнь в своей монографии нашла к «Солнцу мертвых» *новые* методологические подходы. Китайская исследовательница использует появившуюся в современном литературоведении тенденцию к обогащению филологических методов анализа методологией других наук, гуманитарных (истории, социологии, этнологии) и естественных (психологии, гелиобиологии А. А. Чижевского).

В монографии повесть-эпопея Шмелева, его малая проза (рассказ «Музыкальное утро») и эпистолярный анализируются в нескольких литературных контекстах.

Первый историко-литературный контекст образуют в разделе 3.1. «Тема Гражданской войны в русской литературе 1920-х годов» третьей главы «Гражданская война в крымском контексте» русские прозаические, поэтические, драматические и публицистические произведения А. Малышкина, Вс. Иванова, А. Фадеева, И. Бабеля, А. Толстого, Е. Чирикова, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Клюева, М. Цветаевой, Н. Тихонова, Г. Газданова, А. Герцык, М. Квашниной-Самариной и других авторов на тему революции 1917 года и Гражданской войны в России, преимущественно в Крыму, а также на натурфилософскую тему. Читателям монографии китайской славистики наверняка запомнятся развернутое сопоставление романа Малышкина «Падение Даира» и «Солнца мертвых» в разных аспектах содержания и формы двух произведений, а также введенные в научный оборот воспоминания «подвальных узниц» Герцык и Квашниной-Самариной. И все же рассмотрение «Солнца мертвых» в данном широком контексте вызывает сомнение относительно целесообразности анализа в одной научной работе произведений разных литературных родов, эпоса, лирики и драмы. Все эти тексты посвящены одной теме, но все же художественные возможности у них изначально различные. Однако Сюе Чэнь убеждена в правомерности такого подхода к литературе: «рассмотренные нами тексты дополняют друг друга и тем самым воссоздают полную картину революции как преобразования мира и революции как нисхождения во тьму» [7, с. 107–108]. Публицистические источники, использованные в рецензируемой монографии, вводят в литературоведческую науку новый исторический материал о зверствах и чванстве красноармейцев в Крыму, о гибели от голода или насильственной смерти «простых» людей, ради счастья которых вершилась Октябрьская революция. Этот материал и в историческом смысле бесценный, но Сюе Чэнь *достоверно* проанализировала его как литературовед, в качестве одного из источников произведения Шмелева, и доказала тем самым художественную документальность «Солнца мертвых».

Вместе с тем исследовательница утверждает: Шмелев также описывает происходящее как явление библейского уровня [7, с. 99].

Второй историко-литературный контекст представляют собой творения русских классиков — предшественников Шмелева в художественном освоении Крыма. Это поэзия В. Жуковского, А. Пушкина, М. Цветаевой, К. Бальмонта, И. Бунина. В 1 главе книги «*Онтологические смыслы крымской «эпопеи» И. С. Шмелева*» (параграф 1.2. «*Природные символы Крыма*») раскрываются историко-генетические и сравнительно-типологические связи между «Солнцем мертвых» и творениями мастеров Золотого и Серебряного веков русской поэзии.

Третий контекст составляют произведения зарубежной литературы, норвежской (роман К. Гамсуна «Голод», 1890), китайской (повесть Лю Чжэньюна «Воспоминания 1942», 1993), башкирской (М. Гафури), татарской (Г. Ибрагимов), а также русской («Царь Голод», 1907, Л. Н. Андреева), написанные на тему голода. Они составляют материал исследования в главе 4 «**Крымский голод**». В них события происходят в разные исторические периоды, авторы принадлежат разным национальным культурам, но и в «Голоде», и в «Солнце мертвых», и в «Воспоминаниях 1942» развернута общая в мировой литературе тема пределов человеческих возможностей, описаны психотипы, так или иначе проявившие себя в экстремальных ситуациях, «прозвучал вопрос о воле Бога в судьбах человечества и человека, по сути — о теодицее» [7, с. 118]. Здесь проводятся сравнительно-типологические параллели, преимущественно на уровнях тематики и образов персонажей, между произведениями разных национальных литератур, предлагается ценное наблюдение: как *биологический* вид человек в названных произведениях пытается жить в навязанных ему условиях *обратной филогении*, перед ним — нисходящая эволюционная лестница. Исследовательница анализирует такие содержательные обертоны произведений на тему голода, которые ранее находились на периферии научного рассмотрения. В частности, она обращает внимание своих читателей на запечатление людоедства в мемуарах и литературе разных стран в периоды большого голода.

Сравнительное литературоведение — ведущий научный метод книги. В научной работе Сюе Чэнь значимы также общеполитический, мифопоэтический, структурный, семиотический и геополитический методы литературоведения. Китайский литературовед использует подходы, заявленные в работах Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, А. П. Люсого. Для темы Сюе Чэнь особенно значимо предпринятое А. П. Люсым исследование «Крымского текста» в русской литературе, причем китайская славистка пишет оригинальную работу в открытом им направлении. Социологический исследовательский метод также уместен в рецензируемой монографии. Большое количество представленной в ней информации почерпнуто из труда П. Сорокина «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» (1922). Обращение автора книги к этой работе необходимо для разбора многоаспектного содержания и образов персонажей «Солнца мертвых».

Монография состоит из предисловия «От автора», четырех глав, заключения и библиографического списка из 276 наименований. Сюе Чэнь в библио-

графии и основном тексте исследования показала «многовекторность» штудий прозы Шмелева, систематизировав посвященные ей литературоведческие исследования разной тематики. При этом если тематический принцип, положенный в основу библиографии, строго выдержан, то от алфавитного порядка, примененного в каждом ее разделе, имеются отступления. Это относится к позициям 7, 8, 51–53. Каждая глава имеет выводы, которые излагаются более подробно в заключении к монографии.

В *предисловии* «От автора» изложена история вопроса, охарактеризовано содержание основных работ русских и зарубежных литературоведов по прозе Шмелева и выделены как наиболее ценные работы о нем И. Ильина [1], Ю. Кутыриной [2], О. Сорокиной [4, 5], А. Черникова [8], Н. Солнцевой [3, 4] и других литературоведов.

В первой главе монографии «Онтологические смыслы крымской «эпопеи» И. С. Шмелева» рассмотрены содержательный и формальный аспекты художественного изображения крымского мира у Шмелева. Сюе Чэнь настаивает на лирико-философском содержании «Солнца мертвых»: «В повесть входит 35 глав. Их заглавия соотнесены с лейтмотивами (солнце, смерть, жизнь, голод, насилие), которые составляют основу содержания повести и ее композиции» [7, с. 18], ее автор художественно запечатлел бытие всего живого на земле с помощью тем жизни и смерти. Оригинальные представления писателя об этих феноменах бытия всесторонне раскрываются во всем тексте рецензируемой книги. Так же убедительны и следующие положения работы: крымский пейзаж во многом уникален и мало репрезентативен для России, в Крыму сосуществуют разные этносы.

Перечислим уровни формы, тщательнейшим образом проанализированные в монографии: поэтика заглавий, идейно-художественные функции и символика пейзажа, в том числе семантическая трансформация образа неба, солнца, горы, звезд, земли, моря, камня, библейские коннотации природных образов и их фольклоризм, родовое и жанровое своеобразие произведения. Ценно сравнение жанрового содержания Гомеровской эпопеи с повестью «Солнце мертвых»: «в произведении Шмелева изображен не такой большой временной период, как в эпопее, ограничен круг персонажей, нет массовых сцен, нет широкого пространственного охвата, что отличает «Солнце мертвых» от эпопеи» [7, с. 21]. К удачам первой главы относятся наблюдения над разными идейно-художественными функциями пейзажа в «Солнце мертвых»: образ природы в повести реалистичен и мифологичен, объективен и субъективен, пейзаж формирует внутренний мир людей и проецируется на их эмоциональные, физические состояния, он — показатель изображенной в произведении картины бытия [7, с. 24], «образы природы в восприятии персонажей передают дисгармонию человека и природы» [7, с. 25], но Шмелев изображает и «гармоничную картину бытия» [7, с. 26], писатель «актуализировал мифологические смыслы пространственных образов. Они реалистически конкретны и одновременно ассоциативны (выд. нами. — Т. Д.), «природа в определенном смысле представляет физически и эмоционально родной рассказчику мир обитания» [7, с. 42]. Красивый пассаж? Да, но в него «встроены» утверждения Сюе Чэнь о творческом методе Шмелева или литературном направлении, с которым он

был связан. Еще: «В описании природы Шмелев прежде всего — внимательный к деталям *реалист*. Символизация пейзажных образов, аллюзии на библейские образы, субъективность художественной впечатлительности не снижают достоверности и узнаваемости природных картин» [7, с. 43]. Поспорим: символизация образов и субъективность художественной впечатлительности, скорее, являются отличительными чертами не реализма, а модернизма (подробнее см.: Давыдова Т. Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021). На с. 47 встречается другое суждение по данному вопросу: Шмелев — неореалист. Это непростая научная проблема соотношения реализма, неореализма и собственно модернизма в русской литературе XX столетия и в творчестве каждого крупного ее представителя пока еще исследовательницей понята не четко, желаем в дальнейшем в ней разобраться.

Важные философско-нравственные и историко-литературные проблемы проанализированы в разделе 1.3. «*Пространство смерти в Крыму*», наиболее научно фундированном в рецензируемой книге. Проблема смерти (и жизни) в произведении Шмелева рассматривается в контексте философских трудов А. Шопенгауэра, Л. Шестова, М. Бланшо, М. Хайдеггера и других мыслителей XIX–XX веков. Наблюдения исследовательницы тщательно структурированы: описан художественный алгоритм пространства смерти в «Солнце мертвых», дана типология в нем художественных пространств смерти и жизни и специфика второй разновидности пространства. Нельзя не согласиться со следующими выводами: пространство смерти оказывается изнанкой жизни, вмешательство Бога в трагический ход событий сильнее тотальной смерти [7, с. 53].

В разделе 2.1. «*Парадоксы бытия в сознании русских интеллигентов*» второй главы «*Экзистенциальные смыслы «Солнца мертвых»*» предложена научно достоверная типология персонажей произведения. Сюе Чэнь обнаруживает интересные генетические и сравнительно-типологические связи «Солнца мертвых» с образами врачей в прозе А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова. Собрана ценная научная литература по этому вопросу. В данном разделе главы успешно применен критико-биографический метод, благодаря которому выявлены прототипы идейных антагонистов из повести Шмелева, доктора и рассказчика. Это противопоставление в духе высказанной в публицистике Шмелева точке зрения на интеллигенцию. В «Душе Родины» (1924) и ряде других статей он разделяет русскую интеллигенцию на выразителей национального менталитета и на «отщепенцев духа», такую, которая «не жевавши сглотала все философии и религии, царапалась на стремнины Ницше и <...> отвергла Бога: сделала богом человека». Но в «Солнце мертвых» этот вопрос перенесен из социальной в философскую плоскость [7, с. 74]. Сюе Чэнь показывает, что писатель полемизирует с идеями доктора, созвучными размышлениям Н. Аббаньяно, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартра и В. Розанова, и самоубийство доктора — результат пережитого им кризиса веры; а духовное состояние рассказчика автобиографично, о чем свидетельствуют цитируемые в книге письма Шмелева к В. Вересаеву. Китайская славистка убедительно связывает эволюцию сознания рассказчика с библейской историей Иова и тем самым подчеркивает религиозность этого персонажа. Подобный ход мысли

соответствует мировоззрению автора «Солнца мертвых», одного из самых религиозных русских писателей.

В третьей главе «Гражданская война в крымском контексте» продолжается исследование тематики и типологии персонажей Шмелевской повести в сопоставлении с прозой и поэзией А. Малышкина, М. Цветаевой, Е. Чирикова и др., драмой Л. Андреева, публицистикой М. Квашниной-Самариной, А. Герцык. Здесь научно продуктивны наблюдения над образами страдающих детей и животных, характерных для концепции живого у Шмелева, предварившего особый интерес писателей-«деревенщиков» к ребенку и животному. «Солнце мертвых» населено детьми, коровой, павлином (редкий образ для русской литературы), курочками, козой и козлом, через гибель детей и животных писатель рисует трагическую картину бытия в Крыму в начале 1920-х гг. Исследовательница выявила оригинальность образов животных у Шмелева, которые помогли ему раскрыть своеобразие и красоту природного мира Крыма и утвердить идею гуманного отношения человека к природе.

В рецензируемой монографии имеются и недостатки, г. о. формальные, оформительские, неизбежные в столь объемном исследовании. Но подобные недочеты легко устранить при подготовке работы к переизданию. А оно, хочется верить, состоится, так как книга Сюе Чэнь обретет своих читателей в России и будет полезна литературоведам-русистам, в том числе вузовским преподавателям, аспирантам, студентам-гуманитариям, любителям творчества Ивана Шмелева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев / послесл., примеч. В. Э. Молодякова. М.: Скифы, 1991. 216 с.
2. Кутырина Ю. А. Иван Сергеевич Шмелев. Париж: Изд-е Русского научного центра при русской академической группе в Париже, 1960.
3. Солнцева Н. М. Иван Сергеевич Шмелев: аспекты творчества. М., 2006.
4. Солнцева Н. М. Иван Шмелёв: Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007.
5. Сорокина О. Н. Москвиана. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М.: Скифы, 1994. 391 с.
6. Спиридонова Л. А. Художественный мир И. С. Шмелева. М., 2014.
7. Сюе Чэнь. Крымский мир в «Солнце мертвых» И. С. Шмелева. М.: МАКС Пресс, 2023. 192 с.
8. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга: Калуж. обл. ин-т усоверш. учителей, 1995. 341 с.